Феликс Оленко

Сага о Джоне Ди

Оккультный знак

Феликс Оленко

Сага о Джоне Ди. Оккультный знак

«Автор»
2026

Оленко Ф. Ф.

Сага о Джоне Ди. Оккультный знак / Ф. Ф. Оленко — «Автор», 2026

Дождь не прекращался уже неделю, барабаня по крыше одинокого особняка посреди дремучего леса. Жизнь под его сводами текла размеренно, пока однажды ночью ритуальное убийство служанки навсегда не изменило судьбу клана де Йорк.По зову герцога на пороге особняка появляются загадочные фигуры, закутанные в чёрное с головы до ног: Джон Ди — расчётливый, циничный охотник на нечисть, скрывающий мрачные тайны и его напарник Эдвард Келли.Герцог де Йорк уверяет, что не знает ни виновного, ни причин. Однако охотник с первой минуты чувствует ложь. Пока ливень хлещет по окнам, а слуги вздрагивают от каждого скрипа, герои начинают распутывать клубок зловещих семейных тайн. Чем глубже они копают, тем яснее становится: за каждой запертой дверью скрывается то, что лучше никогда не являть белому свету, а правда будет страшнее любого проклятия.«Сага о Джоне Ди. Оккультный знак» — готический оккультный детектив, открывающий мрачную сагу о человеке, который охотится на монстров, людей и своё прошлое.

© Оленко Ф. Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Поместье Де Йорк 6
Полночь во плоти 12
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Сага о Джоне Ди. Оккультный знак

Поместье Де Йорк

Чёрные как смоль тучи и бескрайняя стена дождя — вот и всё, что было видно в этот сумрачный, непохожий на другие вечер. Чавкающая и расплывающаяся от ливня дорога являлась единственным возможным способом добраться до места назначения. Старинный особняк стоял на опушке леса, окружённый стеной величественного и не менее угрюмого бора.

— Люблю дождь, под него всегда начинаются самые интересные истории, — задумчиво заметил Джон.

Брезгливо взглянув на собравшиеся тучи, Эд поправил широкополую шляпу и с раздражением ответил:

— Дождь? Никогда не понимал твоей любви к падающим каплям воды с неба.

Тень улыбки едва коснулась уголков губ охотника, и он ответил:

— И никогда не поймёшь.

Тени полностью заполонили старый лес — не видно было ничего. Лишь где-то вблизи мелькали редкие образы мелких животных, спасающихся от приближающегося наводнения. В воздухе стоял приятный запах дождя и мокрой земли. Всё это приподняло настроение Джону.

Высокая худощавая фигура лорда Ди говорила о его благородном происхождении, а ловкость и манера движения — о его смертоносном ремесле. Больше у него ничего не осталось от прежней жизни. Натянув шляпу почти до глаз, он обернулся убедиться, что со спутником всё в порядке.

Тёмная фигура Эда брела немного поодаль. Завернувшись в теплый плащ, он уже не имел надежды догнать охотника, поэтому брёл в одиночестве, что-то шепча себе под нос.

Утомлённые долгим путешествием путники уже не надеялись найти поместье своего нанимателя, как наконец где-то вдалеке замерцали многочисленные огни. Громадный старинный особняк, если его можно было так назвать, больше походил на крепость. Он имел множество башен, а стены покрывал дикий плющ, почти полностью скрывая их под гибкими зелёными лозами.

— Почти добрались. Особняк семьи де …? — не успел закончить Эд.

— Йорк, семьи де Йорк, — продолжил за него Джон.

— Это было большой любезностью со стороны господина Йорка помочь нам в нашем деле.

— Неужели? А мне казалось, это господину Йорку нужна наша помощь. Что на этот раз? Тёмный особняк посреди не менее тёмного леса с кладбищем на заднем дворе? Полтергейст? Вурдалак? А может, вампир? Было бы весьма восхитительно, если бы хозяин им же и оказался.

— Вечно ты за своё! Если человек собирается оказать нам помощь, это не значит, что он хочет большего взамен.

В ответ Джон лишь усмехнулся.

По мере приближения свет, исходящий из замка, становился всё ярче, а очертания поместья — всё чётче. А дождь всё лил и лил...

Спустя где-то четверть часа непрерывного пути охотники всё же добрались до особняка, где дорогу им преградили огромные дубовые двери, накрепко запертые изнутри.

— Наконец-то дошли. Первым делом я приму тёплую ванну, а затем... Ну и чего ты застыл? — возмущённо промолвил Эд, обернувшись к другу. — Ты — единственная причина, отделяющая меня от тёплой постели и сытного ужина.

— Я наслаждаюсь последними минутами своей недолгой спокойной жизни. Ведь скоро всё начнётся сначала.

* * *

Джон трижды ударил навершием полуторного меча о дубовые двери, что были окованы железом, и где-то в глубине отозвался глухой, утонувший в старом дереве стук. Казалось, будто сквозь массивные врата не проскользнуло ни звука, да ещё и в такую погоду, но с той стороны уже спешили отворить. Спустя пару минут изнутри раздался долгий скрежет железных замков. За ним последовал тяжёлый скрип, по-видимому, давно не отворявшихся петель.

Дверь приоткрылась, и путников ослепил нахлынувший свет. — Кто здесь? — раздался с напускной строгостью дрожащий голос.

— Моё имя Джон Ди, а этот господин — Эдвард Келли, — спокойно промолвил молодой охотник. — Герцог Торн де Йорк попросил нас… кхм, решить его проблему.

— Господи, прошу простить старика за его невежество! Заходите скорей, — выдохнув, воскликнул дворецкий. — Дело в том, что парадным входом никто не пользовался вот уже более десяти лет. Я был очень удивлён, услышав, что кто-то стучит.

Приглядевшись к мужчине, на вид лет шестидесяти, охотник заметил, что тот держал в дрожащих руках заряженный кремнёвый пистолет. Слуга явно был чем-то напуган.

— Гости к нам уже давно не приезжают, а прислуга пользуется чёрным ходом, — разговорившись, дворецкий чуть повеселел.

Заметив, что полуночный гость смотрит на его всё ещё подрагивающие руки, мужчина заткнул пистоль куда-то за пояс и отвёл взгляд.

— В замке по ночам холодно? — раздался мрачный голос Джона.

— Очень, — неуверенно улыбнувшись, ответил слуга. — Но вам выделили самые тёплые комнаты. Пойдёмте, господа, вам нужно как следует отдохнуть и согреться после долгого пути.

Внутри старинное здание было отделано изысканными породами дерева и обставлено готического стиля мебелью. Тёмные же тона интерьера и тёплый дубовый аромат навевали уют и какую-то еле уловимую таинственность.

Приняв тёплую ванну и отужинав, путники уже сидели в роскошных креслах подле изысканного рабочего стола хозяина поместья. Покои владельца, расположенные в самой маленькой и самой старой из башен, были наполнены благоуханным ароматом терпкого можжевельника и утончённого табака.

После пяти минут ожидания раздался громкий гул, и тяжёлая дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял седой мужчина лет шестидесяти, с густыми бакенбардами и ясными серыми глазами. Одетый в тёмно-красный узорчатый халат, он, чуть ссутулившись, прошёл к своему рабочему месту и с довольной улыбкой уселся в кресло.

— Прошу простить меня за столь долгое ожидание, господа! — голос старика можно было сравнить со скрежетом его входной двери. — Моё имя — Торн де Йорк. Я...

— Мы знаем, кто вы, — перебил его Джон, — перейдём сразу к делу.

— Простите моего друга, — сразу же вмешался Эдвард, — терпение ему не свойственно.

— Как же, понимаю-понимаю, такая работа даёт о себе знать. Может, чего-нибудь желаете? Вино, бренди или, быть может... — не успел закончить герцог де Йорк, как охотник оборвал его вновь.

— Или, быть может, обговорим награду.

— Люблю профессионалов в своём деле! — лицо Торна расплылось в улыбке. — Две тысячи и информация, как договаривались.

— Мы договаривались на три тысячи золотых и информацию, — отчеканил каждое своё слово Джон.

— А вас трудно провести... Эм, мистер?

— Мистер Ди.

— Прошу простить меня, мистер Ди, память начинает подводить на старости лет. Так и быть, три тысячи золотых и информация, — старик оскалил на удивление идеальные зубы в улыбке. — Ну что, по рукам?

Молчание, казалось, длилось целую вечность. Джон не отводил пристального взгляда от лукавых серых глаз старого Йорка. Эду на мгновение показалось, что взор охотника направлен чуть выше головы хозяина дома, будто он что-то высматривает над его седой головой, но сомнение исчезло, стоило только лорду протянуть руку и промолвить:

— По рукам!

— Отлично, что мы сошлись во мнении. Может, всё же выпьете, мистер Ди?

— Не имею привычки пить за работой, — таинственный, но в то же время решительный взор охотника заставил де Йорка отвести глаза в сторону.

— Теперь вопросы буду задавать я, а вы — отвечать.

— А разве что-нибудь изменится? — с лёгкой усмешкой заметил Эд.

Тяжёлый взгляд Джона мгновенно согнал улыбку с лица друга.

— В письме было сказано, что в особняке происходят разного рода странные вещи, но вы не написали какие. Вы упомянули, что это некое проклятие, насланное недоброжелателем. Всё это, конечно, очень интересно, но не менее интересно было бы выслушать полную историю из уст очевидца.

— Эх, — издав страдальческий вздох, начал герцог Торн де Йорк, — это произошло неделю назад, в такой же ненастный дождливый день, как и сегодня...

Нескончаемый поток воды уже вторые сутки барабанил по окнам старой башни, а резкий зигзаг молнии время от времени чётко вырисовывал силуэт дубовых ветвей на стекле. Очнувшись от сна, я было подумал, что причиной моего пробуждения послужила очередная вспышка света, ослепившая меня, когда я обернулся к окну, но секунду спустя я стал различать еле слышимый шёпот. Прислушавшись к издаваемым неизвестно откуда звукам, я осознал — хоть и находился в полусонном состоянии, — что голос исходит откуда-то из комнаты. Пытаясь разобрать слова, я понял, что шёпот как будто растворился в монотонном ударе ливня об оконную раму.

Привстав, я взглянул на настенные часы. Они показывали полночь. И тут краем глаза я обнаружил, что дверь из кабинета в спальню слегка приоткрыта, а на уровне замочной скважины, из полного мрака кабинета, на меня глядит вытаращенный глаз, а вокруг него — мертвенно-болотного цвета холодная облезлая кожа. Мгновение — и молния вновь озарила светом покои. Но дверь была уже закрыта.

— Милорд, это всё действительно необычно, но… вы не предполагали, что всё это могло вам просто присниться или показаться вследствие резкого пробуждения? Или это был кто-то из прислуги? — весьма осторожно усомнился Эд. — По статистике, в девяносто процентах подобных случаев виной всему человеческий фактор, фантазия или стресс…

— По-вашему, я съехавший с ума кретин или полоумный старик? Или, быть может, вы дослушаете историю до конца? Что скажете, мистер?

Лёгкое чувство вины отразилось на лице Эдварда в это мгновение:

— Моё имя — мистер Келли. Эдвард Келли.

Йорк сделал изящное движение рукой, наподобие поклона, но только, как если бы он сидел за столом:

— С вашего позволения, я продолжу.

А вот тут уже начинается самое интересное. Как только непроглядная тьма вновь поглотила освещённое некогда молнией пространство, раздались ужасающей, нечеловеческой силы

вопли и крики, будто сам Сатана вырвался из преисподней, будто сами стены дрожали от его рёва. Окончательно пробуждённый ото сна, я рванул к комоду и, вывернув на пол ящик со всем содержимым, начал лихорадочно искать в кромешной темноте свой старый добрый пистолет. Схватив всё необходимое, я — только представьте, многоуважаемый герцог де Йорк, трясущийся от страха и, как вы выразились, молодой человек, стресса, — Торн усмехнулся, — вылетел из комнаты, попутно начиняя порохом кремнёвый пистоль.

Чуть не снеся по пути мальца-служку, Седрика… или Себастьяна, я стар и не помню таких мелочей, ухватил его за плечи и стал расспрашивать. Бледный, с застывшими глазами, он не мог произнести ни слова. Тогда я хорошенько встряхнул его, и мальчик, очнувшись от забытья, произнёс лишь одну фразу: «Месть наследника!» — после чего умчался прочь во мрак коридоров замка. Вынув из настенного канделябра одиноко освещавшую коридор свечу, я поспешил в западное крыло, откуда и явился «полоумный» малец, навстречу истошным воплям женщин и громким разговорам мужчин — суета и переполох охватили весь особняк.

Никогда ещё я не ощущал ничего подобного. Полумрак старинных сводов особняка и скрип половиц, чёрт бы их побрал, вызывали у меня жуткие ощущения.

Идти по коридорам в Западную башню, признаюсь вам, было невыносимо, и дело вовсе не в звуке прогнившего пола. Мне начало казаться, что кто-то зовёт меня по имени. Приглушённый шёпот исходил откуда-то из-за пелены мрака, что не был способен рассеять слабый огонёк свечи в моих руках. По мере моего приближения голоса становились всё отчётливей и реальней. Они будто что-то хотели, что-то требовали от меня. И вдруг тени, отбрасываемые свечой, стали принимать ужасающие и неестественные формы! Стены коридоров внезапно наполнились лицами гротескных существ — то были жуткие тени засушенных мёртвых голов из детских кошмаров. И они всё шептали и шептали! Как вдруг из стены ко мне потянулась длинная заострённая рука, сотканная из тени. Голова сущности с некоторым подобием волос на ней грубо двигала ртом без губ, и казалось, что голос исходит не от неё, а откуда-то извне, со стороны. Тень всё протягивала свои заострённые пальцы-иглы, медленно удлиняя их. Она непременно коснулась бы меня, но курок был спущен. Раздался оглушительный выстрел, и что-то с грохотом пало наземь, а я задул свечу.

Не ощущая своего тела, я шёл или, быть может, уже бежал в кромешной безмолвной тьме бесконечного коридора. Страха не было, как и не было более его причины. Осталось лишь странное осознание всего и ничего одновременно вне себя. Но неожиданно стихло даже это чувство, а через мгновение я вышел на свет. Подбираясь всё ближе к источнику, я начал отчётливее различать толпу собравшихся людей, непроходимым рядом загораживающих вход в Западную башню. Безмолвные, они были подобны жутким восковым манекенам, и лишь только редкое движение выдавало в них жизнь.

Осторожно, плавными шагами, я двинулся к толпе. Чувство страха было атрофировано после всего пережитого за эту ночь. Более его я не ощущал. Однако во мне закралась мысль: не продолжение ли это недавнего кошмара? Подойдя вплотную к высокому человеку, я аккуратно попытался отодвинуть его в сторону. Слегка вздрогнув, ко мне обернулся бородатый мужчина с обветренным лицом.

— Томас? — мой голос эхом отразился от сводов старого замка.

Мужчина молча склонил голову.

Я оглянулся, и мои опасения окончательно рассеялись, ведь в группе людей я узнал свою собственную прислугу.

— Что здесь происходит в столь поздний час? — эхом пронеслись по безмолвным сводам коридора мои слова.

Слуги поочерёдно расступались, давая мне пройти в глубь башни. Их лица выражали неимоверный ужас, а полные беспокойства глаза вызывали у меня чувство нарастающей тревоги. Но все они продолжали молчать.

— Так что, чёрт возьми, здесь происходит?! — вырвалось у меня от переполнившего всю мою сущность внезапного гнева. Однако я быстро взял себя в руки. Но никто так и не осмелился ответить. Лишь только напуганные лица прислуги по-прежнему глядели на меня.

Пройдя сквозь толпу и очутившись вплотную у самых дверей, ведущих в Западную башню, я осознал: мне ничего больше не остаётся, как отпереть их. И потому, выхватив кремнёвый пистолет у рядом стоящего слуги, коим был мой личный повар, набравшись мужества и решимости, я распахнул дверь. Вмиг дрожащий палец спустил курок, и по всему коридору раздался громкий звук выстрела.

Лязг железа о старинный паркет, и пистолет уже лежит на полу, а в изысканном дубовом шкафу зияет пятнадцатимиллиметровая дыра. Мой взгляд потихоньку скользнул вниз, и в миг осознания новая пелена страха заполонила мой разум, а сердце забилось в бешеном ритме. Ведь посреди комнаты лежал растерзанный и страшно изувеченный труп. Запах свежей крови и аура недавней смерти заполнили всю залу до основания, пропитав её чувством мистического ужаса и чего-то неестественного. За резким приступом паники довольно скоро пришло острое чувство полной осознанности. Страшно изувеченное женское тело, раны которого всё ещё сочились алой кровью, лежало точно в центре комнаты. Труп был аккуратно уложен — будто кто-то тщательно пытался придать ему форму креста. Этот «кто-то», кстати, идеально этого добился, несмотря на ограниченное время и риск быть пойманным. Чуть оглядевшись, я заметил, что несчастное тело лежало в центре странного вида круга, состоящего из непонятных, доселе незнакомых мне символов и знаков, сплётшихся воедино и образовавших в совокупности пентаграмму. А над самой её головой, если это место можно было ещё так называть, была оставлена кровавая надпись: «Heredis vindicate». И прежде чем я успел понять смысл этих слов, в моих глазах потемнело, а тело перестало меня слушаться. Я потерял сознание, а очнулся уже на следующий день в своей постели, в окружении семьи. Лишь позже я узнал, что жертвой была служанка по имени Мария.

— Больше я ничего не помню, — были последние слова герцога Торна де Йорка о событиях той ночи.

— Слишком много неясностей в этом деле, — задумчиво сказал Джон.

— Heredis vindicate... Вы знаете мёртвый язык? — внезапно выпалил Эд.

— Я стар. Я живу слишком долго. Жизнь преподнесла мне множество уроков. И даже, казалось бы, таких незаурядных, — старик чуть улыбнулся.

— Но откуда бы это знать простому мальчишке? — задумчиво сказал Джон, резко его оборвав.

— Этого я тоже не знаю. Мальчика нашли без сознания в Южной башне. На следующий день он уже ничего не помнил о событиях прошлой ночи.

— Где сейчас ваш маленький слуга?

— Могу предположить, в покоях прислуги. Если вы хотите его допросить, то лучше сделать это завтра утром. А сейчас, если позволите, нам всем следует отдохнуть. День выдался трудным, не так ли?

Йорк позвонил в колокольчик, и комнату огласил мягкий звон. Через минуту явился дворецкий.

— Герман, будь так добр, отведи наших друзей в гостевые покои.

— Будет исполнено, сэр. Господа, пройдемте со мной!

Путники уже собирались выйти из покоев, как Джон резко остановился и, не оборачиваясь, громко промолвил:

— Вы что-то недоговариваете, герцог. В ваших же интересах раскрыть всё, что вам известно. Иначе всё это не имело бы никакого смысла. Не так ли? Однако единожды нанятый, я всенепременно раскрою все тайны сам. Имейте в виду.

— Всенепременно, мой друг, всенепременно, — внезапная холодная улыбка вновь обнажила идеальные зубы хозяина замка. — Я с нетерпением буду ждать подробностей.

Дверь захлопнулась, комнату поглотила безмолвная пустота, и лишь дождь всё лил и лил...

Полночь во плоти

Вся комната была погружена в кромешный мрак, ни единого лунного лучика не проникало сквозь громаду туч в эту ночь, но лишь лёгкое, словно призрачное покачивание кресла-качалки выдавало чьё-то присутствие в этих покоях.

Лёжа в своей постели, Эд Келли был погружён в тревожную полудрёму. Временами ворочаясь и вздрагивая, он заметил сквозь полуоткрытые веки, как что-то приближалось к нему из глубины сводов. То были выделяющиеся на фоне мрака комнаты тени, всем своим видом напоминавшие ему дурной сон. Тёмные, подобные призракам очертания с острыми, как иглы, конечностями вдруг нависли над ним, тихо нашептывая свою чарующую кошмарную повесть. Но он не мог услышать их слов. Лишь невразумительный шёпот звучал в его голове — это были надломленные неестественные голоса мужчин, женщин и детей. Всех вместе. Эдвард не мог понять, о чём они говорили, но точно знал, что их голоса несли в себе тревожный, быть может, даже ужасающий смысл. И с каждым приближением призрачных теней всё громче и громче становился этот дьявольский шёпот. Открытые глаза Эда впились во тьму; он попытался было дернуть рукой, прогнать призраков прочь, но всё было напрасно — их мёртвая хватка сковала его тело. Он начал задыхаться. Дёргаясь изо всех сил, Эдвард старался освободиться от этих пут, но они становились лишь сильнее. Как вдруг внезапный толчок в спину вытолкнул его из объятий оцепенения, и с застрявшим на устах безмолвным криком он вскочил на постели. Задыхаясь, Эд хватал ртом воздух, а обезумевший взгляд был устремлён куда-то сквозь стену. Спустя пару минут, придя в себя, Келли краем глаза заметил качающуюся в кресле-качалке фигуру.

— Сонный паралич? — вытянув правую руку, Джон покачал указательным пальцем.

— Даже не знаю, что хуже: кошмары наяву или мрачная тень в кресле-качалке! — выкрикнул охрипшим голосом Эдвард.

Даже сквозь непроглядную тьму Эд понял, что Ди улыбнулся. Он слишком хорошо его знал.

— Некоторые простолюдины считают, что сонный паралич есть воздействие на человека некоего духа, в народе прозванного домовым, — спустя минуту, полную молчания, мерно начал рассуждать Джон. — По местным преданиям, в каждом доме живёт такое существо. Если ты ему неугоден, оно может вот так запросто задушить тебя во сне. Но обычно в народе домовой считается добрым духом, и случаи с летальным исходом бывают крайне редки.

— Ты думаешь, это правда? — угрюмо промолвил Эдвард. — Интересно, чем же я мог ему не угодить?

Не обращая внимания на слова друга, охотник продолжил:

— Но как по мне, всё это полный бред. Истории для деревенских простачков, — в его словах была заметна лёгкая нотка возмущения. — То, что с тобой сейчас произошло, есть не что иное, как сонный паралич. Это медицина. Никакого оккультизма, понимаешь?

— Удивительно слышать подобные речи от профессионального оккультиста, — с некоторой иронией вымолвил Эд.

— Знаешь, Эдвард, в большинстве вещей в мире, удачных или не очень, событий масштаба от мала до велика, да и просто в большинстве человеческих проблем виной всему — сам человек. Не маленький бородатый мужичок, вбивающий топор в порог дома и запугивающий коров до кислого молока. Не ведьма, мучающая новорождённого младенца насланными жаром и хворью. Нет, совсем нет. Понимаешь, виноваты лишь глупый обывательский стереотип и нежелание взглянуть дальше собственного носа. Это не домовой вбивает топор в порог дома, отчего прокисает молоко. Это человеческая глупость не даёт крестьянке понять, что

корова больна. Куда легче переложить все свои проблемы на выдуманного фантазией персонажа народных сказок. Так же, как не ведьмовские проделки виновны в болезнях ребёнка. Виной всему лишь человеческое невежество, которое не позволяет новоиспечённым родителям довериться молодому приходскому доктору. Что он может понимать? Современным наукам всего-то от силы лет сто. Куда же как легче доверить жизнь самого дорогого, что у них есть, в руки местной ведунье. Ведь они так привыкли. И не одну сотню лет, и, может даже, не одну тысячу до них их предки вверяли судьбы своих потомков этим же самым ворожеям. И никак им этого не объяснишь…

— А как же топор? Что насчёт него?

— А топор она сама вбила.

— Но для чего?

— А чтобы на всякий случай дурой не показаться.

Что-то щёлкнуло в сердце молодого протеже охотника. Безмолвное чувство осознания охватило его. И всё в этот миг стало понятно — все проблемы людей как на ладони. Будто прозрев, он понял, что в девяноста-девяноста пяти процентах случаев охотники на нечисть даже и не нужны. А вот кто нужен, совсем уже и непонятно.

Но дабы избежать обсуждения глубокого философского вопроса, который сам, кстати говоря, не очень-то и жаловал, Эдвард решил сменить тему разговора. Охотник, по-видимому, был не против.

— Почему ты не спишь? — полушёпотом спросил Эд.

— Сегодня ночью что-то будет.

— С чего ты это взял?

— Ты думаешь, что твой сонный паралич был вызван домовым? — мрачно усмехнулся лорд Ди. — Я наблюдаю за тобой вот уже сорок минут и, знаешь, это тот самый редкий случай, когда и медицина не сможет дать вразумительного ответа.

— Что ты имеешь в виду? Так, погодите, ты сорок минут сидел здесь и наблюдал за моими мучениями, но ничего не сделал?

— Можно сказать и так, — медленно и со вкусом проговорил Джон, — но вовсе не от желания лицезреть твою мученическую смерть. Дело в том, что твоё тело крайне восприимчиво к негативным колебаниям. Ты очень хорошо ощущаешь как положительную, так и отрицательную динамику изменений в ауре чего бы то ни было. Помнишь тот случай в замке барона Отранто? А прошлогоднее дело в Хансманской лечебнице?

— Мог бы и не напоминать, — поморщившись, вымолвил Эд.

— Однако тебе ещё многому нужно научиться, чтобы полнее ощущать мир вокруг и видеть вещи такими, какие они есть, — Джон указал правой рукой на дверь. — Ты что-то почувствовал, и что-то почувствовало тебя. Ну так что же, прогуляемся?

Мрак дубовых галерей и безлунная ночь навевали чувство некоторого уюта и близкой тайны. Тьма полностью поглотила молодых охотников. Они буквально слились с ней, плавно и мерно передвигаясь, словно тени под её непроницаемым плащом, а вокруг была лишь тишина. Тихо ступая по залам, друзья шаг за шагом направлялись в сторону Западной башни. Строение было громадно даже по меркам старой школы архитектуры Средневековой эпохи. Особняк, или, скорее уж, замок, был далеко не в запустении. Даже сквозь непроглядный мрак безлунной ночи то тут, то там угадывались силуэты массивной антикварной мебели под тон дубовым паркету и стенам. Потолок же терялся во мраке где-то далеко наверху, создавая ощущение бескрайнего ночного неба над головой.

Но, как заметил Эд, передвигаться одновременно вдвоём в пролётах старого поместья было довольно непросто. Несмотря на внушительные размеры здания, в коридорах, ведущих к жилым покоям, едва ли можно было поместиться хотя бы втроём. Однако не только это

привлекло внимание охотников. Поражало непомерно, даже, пожалуй, бессмысленно большое количество дверей. Расположенные по обе стороны коридора, они насчитывали как минимум дюжину плотно прилегающих друг к другу проходов. Что находилось за ними, оставалось тайной, которая будоражила разыгрывавшееся во мраке старинных сводов воображение. Желая приоткрыть завесу неизвестности, Джон попробовал открыть пару-тройку дверей, но, несмотря на старину, замки по-прежнему верно хранили тайны дома де Йорк. На проверку же остальных времени не было. Как оказалось, особняк вдоль и поперёк был наполнен разного рода комнатами, двери в которые были наглухо заперты. Следуя по ведущим к ним бесконечным переходам, Эдвард заприметил несколько лестничных пролётов, соединявших собой этажи замка.

Наконец нескончаемый коридор упёрся в одну-единственную непримечательную дверь, что вела за собой в ту самую, полную ужаса галерею. Завидев её, друзья немедля остановились. Весь путь они так и не проронили ни слова.

— Как думаешь, что нас ждёт там? — едва слышимым шёпотом проронил Эд.

— Не знаю. Но думается мне, что старый Йорк с тех пор сюда более ни ногой, — на секунду протянутая рука лорда Ди замерла над рукоятью двери. — А мы — да.

Резким движением руки распахнув её, Джон рванул внутрь и замер в атакующей позиции. Следом за ним ступил Эдвард, готовый прикрыть собрата по оружию от внезапной опасности. Быстро и слаженно, но в то же время абсолютно бесшумно ночные гости вторглись под запретные своды обители.

Однако, несмотря на ожидания друзей, помещение оказалось абсолютно пустым. Лишь лёгкий лунный свет, пробивший себе путь сквозь неуязвимый мрак туч, сочился в окна бледным мерцанием, оставляя на полу нечто издали напоминавшее серебряные лужи. Это было поистине волшебно. Но, как всё-таки оказалось, не только лунный свет наполнял собой своды галереи. Увешанные вплотную друг к другу старинные полотна разного размера, стиля и эпох невольно приковали к себе любопытный взор протеже охотника.

— Никого, — заметил Джон, выйдя из боевой стойки.

Выпрямившись, Ди мягко шагнул вперёд, не обращая никакого внимания на увешанную картинами стену. Следом, покинув защитную позицию, осторожно ступил Эд. Несмотря на полуночный мрак, лунные лучи слабо освещали бледные лица и изысканные образы людей давно минувших эпох. Этого было достаточно, чтобы молодой протеже провалился в их мир — мир, который уже никогда не вернуть. Вот угадывается лик седого лорда. Его мужественные черты и властный, полный абсолютной уверенности взгляд не шли ни в какое сравнение с обликом нынешнего лорда де Йорка.

— Предок по матери, — догадался про себя Эд.

Увы, но буквы на табличке под рамой были едва различимы в такой темноте. И потому, кивнув головой, он не стал себя разубеждать, а только шагнул вперёд, навстречу следующему полотну. То была молодая хорошенькая дама, не то двадцати пяти, не то двадцати семи лет. Несмотря на миловидность, её лицо выражало гордость и неподдельное чувство превосходства над предполагаемым зрителем картины. Переведя взор на грозный портрет седовласого лорда и снова взглянув на молодую даму, Эд лишь вновь с чувством кивнул и прошёл дальше.

— Ты кому это там киваешь? — с недоумением произнёс Джон.

Вздрогнув, Келли быстро овладел собой и с толикой непонимания лишь развёл руками.

— Дверь в башню заперта, — опустившись на корточки, мрачно промолвил охотник. — Придётся взламывать.

— А ты времени даром не терял, — опустив руку на плечо друга, важно произнёс протеже.

— Чего не скажешь о тебе, — взгляд Джона был полон укоризны. — Займись делом.

— В таком случае я, пожалуй, займусь делом, — уперев руки в бока, многозначительно осведомил Эд. — Для начала осмотрюсь.

— Неужели.

— Я знаю, можешь не говорить, Джон, — отчаяние заполонило твою душу. В твоём возрасте так бывает. Я даже слышу, как ты закатываешь глаза в данный момент…

Охотник ещё с самой первой их встречи осознал для себя одну важную, определяющую их взаимоотношения вещь: время от времени нападавшая на Эдварда неутолимая тяга к сценической речи и актёрскому мастерству заставляла Джона выходить из себя. Проявлялось это по-разному, но завершалось всегда одинаково — грустными, почти безмолвными причитаниями Эда и холодной ложкой у лба. Увы, сцена, скорее всего, навсегда потеряла великого артиста. Наверное, печальное бурчание и холодная ложка не обошли бы Эдварда и в этот раз, но внезапный поток его мыслей оборвался так же резко, как и начался, а некогда уверенная, безукоризненная речь медленно перешла в едва слышимое бессмысленное бормотание. Взгляд протеже пал на ещё одну картину. Единственный пропущенный им портрет висел невдалеке от злополучной, ныне запертой двери в Западную башню. Эду почудилось, будто ранее холста на стене не было, или, быть может, его просто отвлекли несправедливыми упрёками. Вглядываясь в полотно, он почувствовал, как в душу закралось смутное сомнение. Что-то знакомое было в этих чертах.

— Герцог де Йорк собственной персоной, — отозвалось в гулком переходе старого замка. — Странно. Ты тут откуда?

Старый потрескавшийся портрет герцога ничем не отличался от рядом висящих сородичей — обветшавшая рама и потемневшее от времени полотно.

— Только вот что-то не сходится. Не стареват ли портрет для господина Йорка? И эта табличка… — подойдя ближе, Эд без труда различил символы, начертанные на табличке под картиной. Они гласили: «Герцог Торн де Йорк, 1540—1628».

— Не может быть! — воскликнул Келли и резко поднял взгляд на ухмыляющееся лицо герцога.

Безжизненно глядящие вдаль глаза Йорка как будто высматривали что-то на кромке леса за окном. Обернувшись, Эдвард попытался разглядеть то место, куда был направлен взор нарисованного лорда. Но, не заметив ничего, кроме старого погоста, Эд пожал плечами и вновь обернулся к висевшему полотну. Как вдруг он осознал: теперь перед ним были не безжизненные глаза старика, а живой, нервно бегающий из стороны в сторону взгляд безумца, то и дело падавший на остолбеневшего зрителя. Крик Эда, казалось, мог разбудить всех до единого обитателей громадного особняка. А глаза всё бегали, бегали как сумасшедшие, ища нечто за спиной опешившего охотника. И только уже потом ему вспомнились слова хозяина замка: «Я стар. Я живу слишком долго».

Глаза старика жадно разглядывали всё вокруг. Как вдруг они остановили своё безумное движение, и взгляд резко пал на обезумевшее лицо напуганного до смерти борца с нечистью. Эд ощущал его глаза на своей собственной коже; озноб охватил его тело, а в устах застыла кошмарная немота. А картина всё таращилась и таращилась. Кромешное молчание захлестнуло сознание Келли, словно весь мир исчез, оставив лишь жуткий лик с его зловеще-кукольными чертами, густо покрытыми масляными красками. Показалось, что губы на портрете кривятся в больной улыбке. Уголки рта лорда стали подниматься, пока не доползли почти до самых ушей, а уродливое лицо всё продолжало пялиться.

Вдруг нарисованная кукла рванула из рамы в сторону Эда, протягивая к нему свои кошмарные длинные, заострённые, словно иглы, пальцы. Натянув полотно чуть ли не до самого треска льняных нитей, оно, улыбаясь, схватило парализованного от ужаса Эдварда. Но в ту же секунду яркий серебряный свет рассёк вылезшее из картины чудовище напополам. Ослабив хватку, оно пало ниц с той же безумной улыбкой и взглядом, уставленным в глаза Келли. Кли-

нок пронзил самый центр разрубленной сущности, и она вспыхнула резким режущим глаза ослепительно-голубым пламенем. Колдовской огонь погас так же быстро, как и появился, оставив вместо картины лишь выжженное пятно на деревянном полу и стене. Последнее, что в тот миг увидел Эд, — это бесстрастное и полное решимости лицо Джона. И весь мир погрузился во тьму.

Двери в Западную башню медленно распахнулись, и взгляду Ди предстала огромная зала — часть одного из самых старых строений особняка, возведённая, возможно, вместе с самим замком. Помещение увенчивал куполообразный свод, а в стенах виднелись, поднимаясь в три яруса, небольшие витражи, изображавшие незамысловатый калейдоскоп разноцветных фигур. Создавалось ощущение, что когда-то в этой башне располагалось как минимум три этажа, но по неизвестным причинам они были разрушены. Быть может, время сыграло с ними злую шутку, и в целях безопасности было принято решение оставить один-единственный первый этаж. Практически пустое помещение вмещало в себя лишь пару объектов интерьера: уставленные полукругом громадные старинные дубовые шкафы и дверь, ведущую в смежный коридор.

Проход был закрыт. Внеся напарника в залу, Джон аккуратно усадил его, облокотив о стену, и двинулся к запертой двери. Охотник отомкнул замок при помощи щупа и отмычки, и тяжёлая створка отворилась. Осторожно заглянув в возникшую щель, лорд Ди приметил всего лишь один из многочисленных переходов замка: тёмные силуэты утопающей в непроглядных сумерках мебели и угадывающийся бесконечно тянущийся коридор. Закрыв механизм всё теми же нехитрыми манипуляциями, охотник быстро направился в центр залы.

Ещё раз оглядевшись, Джон заметил выступающие из стен, едва приметные во мраке ночи канделябры. Охотник щёлкнул пальцами, и мерный, спокойный огонёк запылал на каждой свече в башне, отбрасывая на стены и пол длинные тени от старинной мебели. На паркете он обнаружил начерченную чёрной краской пентаграмму и глубоко въевшиеся пятна засохшей крови — следы ритуального убийства.

— Кровь пытались оттереть, и пентаграмму вместе с ней, хм… Бесполезно. Они не знали, что, активировав ритуал кровью, символы уже не стереть, — проговорил чуть слышным шёпотом охотник. — Большой треугольник поверх малого перевёрнутого треугольника, углы которого вписаны в малый круг, углы же большого выходят за рамки большого круга. В теле конструкции главного треугольника помещены знаки огня, воды и эфира. Внутри же кольца из кругов — надпись на исковерканном, примитивно очеловеченном языке ангелов.

Присев на колено, лорд Ди прочёл: «Там, где тело покидает душа, поблизости всегда бдит вестник…» Остальное — бессмыслица. Этого должно было хватить для ритуала-проклятия какой-нибудь заурядной ведьмы из ковена, но никак не для могущественного оккультиста, интересно…

Тут Джон ощутил, как потянул прохладный, едва заметный ветерок. Обернувшись, он заметил, что причиной сквозняка стала не до конца притворенная дверь в картинную галерею.

Подняв правую руку, оккультист почувствовал, как сквозь его пальцы просачивается слабый поток воздуха. Пройдя чуть вперёд по направлению ветерка, он осознал, что дуновение исходит из дыры в шкафу, сразу бросившейся в глаза в первые же секунды пребывания в комнате.

«Та самая дыра, от того самого выстрела», — пронеслось в мыслях лорда Ди, стоило ему подойти к дверце шифоньера.

Шкаф зиял большой, скалящейся щепками дырой. Сквозь неё падал слабый свет от канделябров, упирающийся куда-то во внутреннюю стенку. Видно не было ничего. Однако, когда охотник отпёр массивную коричнево-рыжую дверь, перед ним открылось абсолютно пустое пространство. Сквозило только через маленькое отверстие от пули, пробившей заднюю панель навылет. Коснувшись его краёв, Джон почувствовал прохладу.

Внимательно оглядев шкаф и окончательно убедившись, что он пуст, герой с силой надавил на заднюю стенку — внутри что-то щёлкнуло. Он нажал сильнее. Раздался щелчок погромче, и взору полуночного странника предстала появившаяся между панелями едва заметная щель. Просунув пальцы внутрь, лорд Ди отодвинул фальшпанель в сторону, и перед ним открылась абсолютно непроницаемая тьма. Присев на колено, охотник начал внимательно вглядываться куда-то во мрак, в его самые недра. То ли лучи не могли проникнуть в самые глубины загадочных сводов, то ли что-то неведомое, скрытое от глаз, поглощало весь попадавший туда свет.

— Да ну к чёрту! Я туда не пойду! — внезапно над самым ухом раздался спокойный, как будто ни в чём не бывало, знакомый голос.

Не подав ни малейшего вида, охотник медленно повернул голову в сторону — туда, откуда он донёсся. Непередаваемо злобное выражение было запечатлено на лице Джона в эту минуту.

— Что?! — развёл руками Эд. — Поверь, мне уже лучше.

Поигрывая желваками и жёстко прищурившись, Ди глухо промолвил:

— Уверен?

— Эбсолютли, как говорят в Вестленде, — приподнимаясь на носки, протеже старался хоть что-то разглядеть в глубинах открывшегося прохода.

— Угу, — чуть промолчав и всматриваясь туда же, в бездну, добавил охотник. — Нам туда, — и кивнул во мрак.

Эдвард отрицательно затряс головой. Лорд лишь вновь утвердительно кивнул. Встав на ноги, Джон Ди сделал первый шаг в глубины тьмы.

Опираясь руками о холодные неровные стены каменного прохода, охотники, согнувшись в три погибели, едва не касаясь макушками потолка, пробирались в самые недра замка де Йорк, в которые, как казалось, столетиями не ступала нога человека. С каждым шагом коридор становился всё уже, а далёкий тусклый свет старинных канделябров где-то наверху, постепенно превращался в маленькое огненно-жёлтое пятно — единственную возможность хоть что-то увидеть в непроглядной тьме старинных сводов особняка. Как вдруг, что-то заслонило проход. Обернувшись, друзья едва смогли разглядеть чёрную фигурку с упёртыми в бока руками. Мгновение — и высокий звонкий смех радостно отозвался под сводами катакомб. Неописуемое первобытное чувство резко заполонило сердца бывалых охотников, подобно тому, что зарождается в душе героя самых жутких и правдоподобных кошмаров, от которых у сновидца появляется рябь в глазах, а просыпается он с немым криком на устах.

Не в силах шелохнуться, Джон и Эд стояли подобно застывшим восковым фигурам, молча наблюдая за неестественным визитёром, уставившимся на них. Осознавая потенциальную возможность присутствия здесь ребёнка, они всё же подсознательно ощущали всю неестественность происходящего и иллюзорность момента.

— Ребёнок? — с трудом преодолел замогильное молчание Эд, по-прежнему не сводя глаз с фигуры наверху.

— Не думаю, — голос охотника был, как и прежде, спокоен, но некая нотка всё же выдавала в нём сильное чувство беспокойства.

Дверь плавно затворилась позади тёмной фигуры, погрузив древний коридор в непроглядный мрак, и куклоподобная сущность с диким, неестественным воплем понеслась прямо на них.

Рванув за собой Эда, Джон, не видя абсолютно ничего, помчался в самые глубины подземелья. Летя по лестнице куда-то вниз, в недра катакомб, двое охотников то и дело спотыкались о кривые, обтёсанные от времени ступени, норовя скатиться кубарем. Не останавливаясь ни на мгновение, Ди, выставив правую руку так, чтобы ладонью касаться каменной стены, направил

всё своё чувственное восприятие на область соприкосновения с поверхностью — единственную возможность ориентироваться в пространстве. Детский, пугающе неестественный вопль стремительно нарастал, знаменуя скорое столкновение с жутким нечто. Звук становился всё ближе, ещё ближе, он уже угадывался где-то за три шага до героев, пока не раздался буквально за их спинами. Как вдруг пальцы Джона ощутили провал в сплошной кладке сводов. Имея всего пару мгновений на размышление: рискнуть или нет, Ди всё же рискнул. Молниеносно развернувшись на носках, оккультист силой схватил Эдварда за плечи и стремглав рванул в глухую пустоту. Закрыв ладонями свой рот и рот Эда, Джон вместе с протеже неподвижно вжался в стену нового параллельного коридора. Стараясь не выдать своего присутствия, они стали выжидать.

Буквально через мгновение мимо охотника и его напарника пронёсся топот маленьких босых ног. Что-то промчалось на несвойственной для ребёнка скорости дальше в бездонные глубины подземелья, оставляя за собой лишь звонкий детский смех.

Они стояли как вкопанные ещё какое-то время, пока противоестественные звуки совсем не стихли.

— Не ребёнок, — уставившись на тысячу ярдов едва слышимо прочеканил Келли. — Что это было, чёрт его побери!?

— Дети, — лишь небрежно пожав плечами предположил Джон Ди.

Вынув откуда-то из закромов видавший виды латунный фонарь, Эд лишь щёлкнул пальцами и жёлтое электрическое «пламя» заплясало перед ними. Однако, несмотря на эффектность, устройство едва освещало друзей, не говоря уже о сводах древних катакомб, но это не помешало Эдварду с самодовольным видом взглянуть на друга.

— Человек — швейцарский нож, прямо-таки, — сценично аплодировал Джон. — В очередной раз убеждаюсь, что магистрат не зря определил тебя в Ауксилариум.

— Да, без меня ты уж вряд ли бы выжил. Мечом махать — не головой думать, — гордо задрав нос не без обиды возразил Эд.

— Ну тогда веди, умник, — Джон подтолкнул Эда вперёд.

— Ну уж нет! — запротестовал тот. — Я голова — я свечу!

Только ухмыльнувшись, Ди последовал куда-то в неизведанное. Тьма коридора не ослабевала, и спутникам оставалось лишь продолжать идти вперёд.

— Знаешь, — нарушил тишину молодой оккультист, — нет ничего плохого в том, что тебе определили судьбу ауксилария. Это достойное занятие. Не каждому хватит силы духа осилить подобное послушание, так что неси его с честью.

— Легко говорить об этом рыцарю. Опора всего ордена, цвет человечества, надежда и гордость детей, стариков и симпатичных дамочек.

— Однако я вижу, что магистры поступили мудро, направив тебя на этот путь, — Джон решил не замечать очередной колкости друга.

— Джон, меня никто не спрашивал, чего я хочу! — вдруг выпалил Эдвард. — Просто поставили перед фактом. Как и тебя. Просто кому-то повезло больше, кому-то меньше.

Внезапно осекшись, Эд остановился, опустив потухший взгляд куда-то в пол:

— На самом деле суть не в том, кем нас избрал магистрат — от этого мы не стали лучше или хуже. Суть в том, что нам не дали выбора, понимаешь? Конечно, я не в восторге быть протеже, — с особой брезгливостью промолвил последнее слово Эдвард, — но без человеческого выбора нет судьбы.

Едва заметная боль застыла в блестящих в свете фонаря глазах Эдварда. Джон понимал друга, понимал же и то, что его терзало.

— Джон, я видел, как многих выживших после Дня Падения мальчиков-аристократов забирали в ряды Дозора смерти — ордена охотников на нечисть. Как маленьким, ещё недавним дворянам с первого же дня давали в руки боевое оружие и заставляли тренироваться, нанося

друг другу удары острыми, как зубы мантикоры, клинками. Окровавленные, непонимающие ничего дети с каждым днём становились лишь сильнее. Они стирали кожу в кровь от постоянных изнурительных тренировок, пока паладины ковали из них идеальное оружие убийства — братьев Ордена, рыцарей без прошлого и, для многих, без будущего. А тех, кто выдерживал, ждала работа в алхимических лабораториях и инженерных мастерских, где от невиданных доселе экстрактов и магических соединений у неосторожных послушников оставались глубокие ожоги. Девочек же ждала не менее жестокая доля — судьба клинков тени. Тех, чья жизнь была тесно переплетена со смертью, тайнами и шпионажем. Их учили идти на всё ради Ордена. Нас учили. Я этого не хотел.

Взглянув на свои руки в тревожном свете фонаря, рыцарь внимал словам ауксилария, не проронив ни звука. Его лицо, не выдавшее ни капли эмоций, было бледно и задумчиво, а фигура с ног до головы облачена во всё чёрное. Создавалось ощущение, будто сам мрак соткал охотнику плащ из первозданной тьмы. Во всю тираду Эдварда, Джон словно скользил сквозь сонм бесконечно всплывающих мыслей и образов. Он устремил взор куда-то вверх, сквозь неровный каменный потолок, и никто не смог бы сказать, что было на его душе в те минуты. Эд замер и, как заворожённый, разглядывал друга, ясно осознавая соделанное на него впечатление.

Но мгновения не могут тянуться вечно, и тёмный охотник промолвил:

— Всё ты сказал верно. За каждое твоё слово я ручаюсь собственной жизнью. Однако я помню вот ещё что. Я помню, как братья-рыцари в канун того самого дня прочёсывали всю Империю от края до края, выискивая хоть одного уцелевшего ребёнка. Выискивали и вытаскивали из цепких лап неминуемой смерти: забирали грязных, больных и напуганных новоиспечённых сирот из трущоб, вылавливали одичавших детей из дремучих тёмных лесов, лечили их и выхаживали. Ещё я помню, как тебя, Эдвард, ценой собственной жизни выкрал безымянный паладин из рук прихвостней Чёрного принца. В тот самый момент, когда плачущий маленький князь, лежавший в объятиях мёртвых отца и матери, дожидался своей смерти от рук цареубийц. Также помню, как окровавленных после каждой тренировки детей исцеляли отварами Cura Vitae, так что и шрамов не оставалось.

— Вот что помню я, — эхом раздалась в сводах катакомб заключительная эпитафия Джона. После чего наступило молчание. Многозначительный взгляд Эдварда уставился в чёрные глаза рыцаря Ордена, и лишь электрический свет фонаря подрагивал на его губах. Что-то внутри Эда дрогнуло. Или, быть может, это было нечто иное.

— Нужно идти, — мрачно промолвил протеже и, протиснувшись вперёд охотника в и без того узком коридоре, сделал шаг во мрак сводов. Внезапный треск — и пол под ногами Эда разверзся навстречу бездонному, скрытому в непроглядной тьме чреву катакомб, проглотив его без единого крика. Лишь где-то внизу послышался едва уловимый глухой удар. Едва опомнившись, Джон присел на корточки и направил слабый луч обронённого товарищем фонаря куда-то в бездну. Но тщетно. Едва теплящийся свет растворялся в глубинах образовавшейся пропасти.

Как вдруг, молниеносно оглянувшись, охотник навострил все свои чувства. Ему послышался едва различимый топот маленьких босых ног о каменную поверхность.

— Б-р-р-р… — холодная дрожь отвращения и непонимания природы существа пробежала по телу борца с монстрами. И он без толики сомнения прыгнул в глубины бездонной тьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.